

ПРОБЛЕМА ДРАМАТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ А. П. ЧЕХОВА («ИВАНОВ») THE PROBLEM OF THE DRAMATIC HERO A. P. CHEKHOV («IVANOV»)

Аннотация: В статье рассматривается образ героя «новой драмы» конца XIX – начала XX века в сравнении с традиционалистской драмой. На материале русской драмы XIX века доказывается, что герой «новой драмы» – это оригинальный тип героя, не являющийся только актантом, а потому нарушающий основные драматические правила.

Ключевые слова: герой драмы; теория драмы; «новая драма».

Abstract: The article deals with the image of the hero of the «new drama» of the late 19th and early 20th centuries in comparison with the traditionalist drama. Based on the material of Russian drama of the 19th century, it is proved that the hero of the «new drama» is the original type of hero, not only an actant, and therefore violates the basic dramatic rules.

Keywords: drama hero; drama theory; «new drama».

А. П. Чехов – представитель «новой русской» драмы, которая появилась в России в конце XIX века. Под влиянием драматурга возникла новая театральная система. Чехов начинает строить свои пьесы, нарушая законы традиционалистской драмы.

Цель данной работы, посвященной проблеме героя драмы Чехова, – определение того, как меняется образ чеховского героя по сравнению с героем традиционалистской драмы.

Проблема драматического героя – одна из тех, которые имеют давнюю историю. Она возникает при попытке дать описание литературному процессу и найти в нем место современной пьесы. Решением проблем драматического действия и героя занимались С. В. Владимиров [1, с. 38–46], В. М. Волькенштейн [2, с. 10, 141–147], Б. О. Костелянец [3, с. 367–385] и другие.

Они отмечали, что драма является одной из трех родовых форм. Она уходит корнями в древность. Античная драма произошла из ритуального действия в честь бога Диониса. Такая драма обычно сопровождалась хороводом, пляской. В её основе лежали мифологические сюжеты.

Средневековая драма предстала перед зрителем или читателем как литургическое действо. Из этого вытекает ее определение как драматического представления, созданного церковью в целях христианской пропаганды.

Классицистическая же драма преподносит новое драматическое действие, где раскрывается драматизм внутренних переживаний личности, которую автор ставит в ситуацию решения «вечных» нравственных вопросов.

Героем всех вышеперечисленных исторических форм драмы является актёр, т. е. персонаж, интересный с точки зрения его возможности развивать то или иное жанровое действие. Иным является герой русской драмы XIX века. Его особенность заключается в возможности быть больше, нежели жанровое действие, что является результатом рефлексии действующего лица, его попыток понять происходящее и дать ему индивидуальную оценку.

Так, в драме «Гроза» А. Н. Островский использует в качестве исходного момента типичную ситуацию, которая была заимствована у классицистической трагедии. Полюбив, Катерина готова изменить мужу. При этом она понимает, что совершает грех и должна за него расплатиться. Финал пьесы играет роль очищения: он возбуждает в зрителях стремление к благородному.

При этом характер Катерины – это проявление того, как социальная среда влияет на человека, поэтому такой тип героя и называется личность-характер. Социальная среда объясняет специфику героя и является фоном, на котором герой одновременно имеет черты среды и выделяется, поскольку важно не только то, что делает персонаж, но и то, как он оценивает свое действие и действия других, то есть его индивидуальная точка зрения. Именно она свидетельствует, что далеко не все, что герой считает правильным, он может совершить. Более того, драматург, стремясь показать, насколько взгляд героя индивидуален, для сопоставления разных точек зрения вводит в пьесу персонажей, которые прямого отношения к развитию действия не имеют.

В «Иванове» Чехов придерживается традиций русской драмы XIX века. Это проявляется во введении «ненужных для действия» героев. Примером такого героя может служить Авдотья Назаровна, Чехов называет её «старухой с неопределённой профессией». Ее реплики не направлены на движение действия, но рисуют картины карточной игры («Это я сказала без козыря! Ты сказал: два без козыря...» [4, с. 27]), которая увлекает окружение Иванова, но не его самого. Он не авантюрист, как большинство персонажей, а потому им Иванова не понять.

Окружение именуется Иванова «психопатом», «нюней», «пройдой», объясняя его поступки очень примитивно: «Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за нею горы золотые дадут, а вышло все совсем напротив...»; «Сарру не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил, теперь нашел другую...» [4, с. 28]. Но мы понимаем, что содержание данных высказываний раскрывает не сущность Иванова, а ограниченность оценок персонажа окружающими, их отношение к нему.

В монологах Иванова же раскрывается его чувство вины, которое преследует героя: «Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какой-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя...», «Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; сам же я не понимаю, что делается с моею душой...» [4, с. 13]. Этими монологами и опровергается отношение окружения к нему, а также показывается (правда,

точно никем вербально не определяется) зрителю, что есть чеховский герой. Зрителю предстоит самому решить, что такое Иванов.

Суть Иванова заключается в его несовпадении с самим собой, с тем, каким он был в прошлом. Сам он понимает это, говоря, что в прошлом он вел себя иначе: он был деятельным, бодрым, идейным. И это подтверждает его ближнее окружение. Понимая это и принимая, Иванов ничего не предпринимает, чтобы изменить что-то. Он существует в мире по инерции, в нем есть желание к изменениям, но нет борьбы.

Это легко объясняется эпохой, в которую существует Иванов – 80-е годы XIX века. Этот период характеризуется временем бездействия, которое и породило драматического героя пьесы «Иванов». Мы наблюдаем в нём присутствие невольной вины. Но то, что герой не сосредоточен на ней, мешает ему до конца осознать ее.

Мы приходим к выводу, что герой чеховской драмы по законам традиционалистской драмы драматическим героем вовсе не является, так как его воля не способствует движению действия.

Более того, Иванов не воспринимается окружением серьезно: вспомним момент, когда Иванов пытается выгнать своих друзей из кабинета:

«Иванов (с горечью). Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... (Подходит к столу.) Ну вот, бумагу водкой облили... крошки – огурцы... Ведь противно!» [4, с. 50].

В финале мы видим Иванова, который утомлен жизнью. Он не в силах выдержать испытания судьбы. Внутренний конфликт героя находит выход в самоубийстве. Чехов писал: «Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью» [5, с. 311].

Но перед смертью Иванов пытается понять причину своей «усталости от жизни». На рассуждения Лебедева: «Тебя, брат, среда заела» – отвечает, что это глупости. Иванов доходит до отчаяния: «Хоть пулю в лоб» [4, с. 52].

До Чехова форма бытовой и психологической драмы была иной: в ней преобладала демонстрация ярких сторон обычной человеческой жизни, Чехов же изображает незаурядных людей, их мысли, он показывает, что каждый из них индивидуален. Его герои убеждены, что призвание человека заключается в постоянном поиске смысла и правды. Драматическим героям Чехова не хватает характера, потому что характер – это то, в чем отражается направление воли, которого лишены чеховские герои.

Чехов испытывает своих героев бытом: он верит, что эти испытания ничем не проще, чем те испытания на разрыв, которые представляет зрителю традиционалистская драма. Драматурга интересует не жизненная активная позиция героя, а путь к ней, его изменения. Для Чехова жить счастливо – это просто жить.

Следовательно, мы видим, что Чехов создает нового героя с точки зрения поэтики традиционалистской драмы. Завершение образа зависит от того, что зритель знает о себе, о герое и о человеке вообще. Это касается не только зрителя, но и персонажей, которые оказываются с Ивановым на одной сцене. Каждый из них создает нового Иванова, ни один из них не является оконча-

тельным. Герой перестает рассматриваться извне, он начинает быть субъектом действия. Но в итоге в герое отражается новое представление о мире, которое заключено в сознании драматурга и его зрителя / читателя.

Библиографический список

1. Владимиров, С. В. Действие в драме / С. В. Владимиров. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во СПбГАТИ, 2007. – 192 с.
2. Волькенштейн, В. М. Драматургия / В. М. Волькенштейн. – 3-е изд. – М. : Искусство, 1937. – 273 с.
3. Костелянец, Б. О. Драма и действие : лекции по теории драмы / Б. О. Костелянец ; сост. и вступ. ст. В. И. Максимов, вступ. ст. Н. А. Таршис. – М. : Совпадение, 2007. – 502 с.
4. Чехов, А. П. Сочинения : в 18 т. / А.П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1978. – Т. 12. Пьесы. 1889–1891. – С. 5–76.
5. Чехов, А. П. Иванов / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1978. – Т. 12. Примечания. – С. 311–312.